



Евгения Морозова

# *Я помню всё...*





Евгения Морозова

**Я помню всё...**

«Издательские решения»

**Морозова Е.**

Я помню всё... / Е. Морозова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830237-4

Книга основана на реальных событиях. Мыкола — реальный персонаж. Надюша окончила школу и мечтала поступить в мединститут, но на следующий день началась война. В результате трагических событий девочка потеряла мать и сестру. Каратель Мыкола предпочитал своих жертв расстреливать лично. Надя должна была погибнуть, но ее заслонила собой мама. Такой исход событий Мыкола не мог предусмотреть. Есть сроки давности, по истечении которых человек ненаказуем. Но не эти преступления... Надя узнала карателя...

ISBN 978-5-44-830237-4

© Морозова Е.  
© Издательские решения

## Содержание

От автора	6
Рецензия	8
Глава 1. Матери! Не верьте похоронкам! Ждите сыновей домой!...	9
Глава 2. Жизнь не заканчивается	13
Глава 3. Путь на небо – через ад на земле...	16
Глава 4. Путь падения Мыколы	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

# **Я помню всё...**

## **Евгения Морозова**

*Что такое сроки давности?  
Когда человек за совершенные преступления  
уже ненаказуем законом общества.  
Но остается закон совести...*

© Евгения Морозова, 2016

© Любовь Третюк, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## От автора



Мои дорогие и уважаемые читатели! Эта книга написана для вас.

Мой статус-пенсионерка уже более двадцати лет. Теперь появился еще один статус-начинающая писательница.

Мой возраст – 72 года, и он как раз и подразумевает максимальную занятость творчеством. Дети взрослые, у них своя самостоятельная жизнь. Помощь мамы им уже не требуется.

Прожитые годы – это копилка жизненного опыта, который я просто обязана передавать младшему поколению.

Судьба моя во многом похожа на судьбы моих сверстников, родившихся во время Великой Отечественной войны. Но среди нас были и «счастливчики», которые не потеряли своих родителей в огненном котле войны. А я осталась полной сиротой в возрасте двух лет.

Мои корни из алтайского села с необычным названием – Лосиха. За три года до войны моя мама ушла в город Сталинск пешком... Было ей в тот момент 14 лет, она была рослой крепкой девушкой. Поэтому ей удалось устроиться в ФЗО (фабрично-заводское обучение) и получить работу на металлургическом комбинате. Ей так хотелось учиться! Она даже сдавала кровь, чтобы как-то свести концы с концами, потому что ее мама жила в деревне и мало чем могла помочь дочке.

Разразилась Великая Отечественная война. Моя мама тут же пошла на курсы медсестер. Перед самой отправкой их группы на фронт случилась ужасная диверсия на металлургическом комбинате: обед в столовой комбината оказался смертельным более чем для полутора тысяч человек.

Моя мама выжила, но жизнь ее оказалась недолгой. Она умерла в свои двадцать четыре года, уже после войны. Вскоре умер мой отец. В результате я осталась сиротой в возрасте двух

лет. Родителей заменила моя бабушка. Росла я здоровым и жизнерадостным ребенком. Хотя завидовала всем детям, у которых были и папа, и мама...

Жизнь моя не была праздником. Было много горя и потрясений. Но сибирские корни, крепкие сибирские гены помогали пережить все, что выпало на мою жизнь.

Так сложилось, что из-за слабого здоровья нашего малыша мы неоднократно меняли регионы проживания. И вот уже совсем недавно мы с мужем выбрали место под солнцем – олимпийский Сочи. Нас привлекли не столько величественные олимпийские объекты, сколько мощная энергетика этих мест. На дне Черного моря находятся затопленные античные города, волны выносят на берег совершенно необыкновенные камни с рисунками... Живописные горы, покрытые густым непроходимым лесом, богатая история этих мест... Хотелось бы знать, какие люди смотрели на эти же горы пятьсот или тысячу лет назад...

В период перестройки невозможно было расслабиться. Надо было выживать в сложных экономических условиях. И только с выходом на пенсию я почувствовала полную свободу выбора занятий по душе.

Я увлеклась астрологией, хиромантией и другими интересными вещами. Начала рисовать, писать стихи. Иногда я слышала мужской голос, который обращал мое внимание на события, которые как в калейдоскопе мелькали перед моим мысленным взором. И тут же появлялись слова, которые складывались в четверостишия. Потом появились рассказы в прозе.

Я с огромным интересом училась в разных эзотерических школах. Мой учитель – умный и сильный экстрасенс в медитациях учил нас вхождению в прошлые жизни, учил работе с шаром Каллиостро и многим другим интересным вещам.

В последние два года я увлеклась писательством. Вышли в свет мои книги «Путешествие длиной в три века» и «Варварино счастье» в трех томах. Хочется поделиться с читателями своим видением мира, чувствами, эмоциями, пережитым...

Сейчас я представляю вам свою новую книгу «Я помню всё...». Эта книга о событиях военных лет. О преступлениях, которым нет срока давности. Книга основана на реальных событиях с включением элементов, присущих художественной литературе.

Дорогие мои читатели! Я заранее благодарна вам за внимание к моим мыслям, к моим героям.

Желаю вам всего самого доброго прекрасного!

## Рецензия

Книга «Я помню всё...» написана Евгенией Морозовой в 2016 году.

Давно уж миновала Великая Отечественная война. Недавно наша страна праздновала 71 годовщину со дня Победы. Все более редуют ряды ветеранов на парадах в День Победы. Уходят они, но остаются в нашей памяти. В каждой семье бережно хранятся фотографии, ордена и медали наших дедов и бабушек, которые грудью защищали родную землю. Дали нам свободу и жизнь.

Низкий поклон вам, наши родные! Вечная вам память!

Тема, которую автор раскрывает в этой книге, близка каждому русскому человеку.

Тяжело досталась победа над фашизмом. Советский Союз выиграл войну, потеряв при этом двадцать миллионов человек.

Главная героиня девочка Надя пережила много горя, была расстреляна карателем Мыколой.

Но... судьба подарила ей шанс для спасения.

Повествование охватывает как военные, так и послевоенные годы. В основу книги положены реальные события. Предатель Мыкола существовал в действительности.

Книга читается легко. Лейтмотив повествования: никто не забыт, и ничто не забыто. Героев чествуют, а предатели прячутся от возмездия, но оно – неотвратимо.

*А.А.Шевченко*

*г. Анапа*



## **Глава 1. Матери! Не верьте похоронкам! Ждите сыновей домой!...**

Май 1945 года уже прошел по земному шару. Он принес всем государствам то, что они заслужили. Поражение фашисткой Германии и победу Советского Союза в кровопролитной войне, которая длилась четыре года. Если смотреть по масштабам Вселенной, то это всего лишь один миг. Но чего это стоило миллионам людей... Если только в Советском Союзе погибло 20 миллионов человек.

Но май был на исходе, огромная страна жила уже третью неделю без войны. И народ чувствовал себя обалдевшим от счастья. Правда, мало кто дождался Дня Победы без потерь и праздновал в полном составе, всей семьей. Таких счастливиц были единицы.

На перроне каждый прибывший поезд встречали огромные толпы народа. Люди выходили к поезду так, на всякий случай. Каждая женщина надеялась, а вдруг да среди прибывших солдат она увидит своего любимого Васеньку или Коленьку... Или сыночка, или отца... Выходили к поездам даже те, кто получил похоронку на близких, и ждать им практически было некого. Но русский человек всегда надеется на чудо, а вдруг да... он жив. Нет, надо идти встречать! И шли... Как на работу.

Очередной поезд в украинский городок Черновцы, в западной части Украины, расположенный на границе с Румынией, прибывал в 12 часов дня. Тогда еще не было скоростных поездов, но... герои-освободители возвращались домой из «непобедимой Германии» даже не в пассажирских поездах, а в теплушках. Современная молодежь, не знавшая войны, теперь и значения такого слова «теплушка» не знает. Это грузовой вагон, более-менее утепленный, с печуркой внутри.

Да какая разница, какой вагон... Все курили самокрутки, окна в теплушке были открыты, ветер свистел в ушах. Обветренные, заросшие щетиной советские солдаты возвращались д о м о й...

Каждый бывалый солдат в душе оставался мальчишкой, соскучившимся по дому. Каждый мечтал, наконец, увидеть своих близких, обнять жену, мать, прижать к сердцу своих ненаглядных малышей.

Вот-вот покажется городок Черновцы. Он и до войны-то считался городком районного масштаба, а после военной разрухи и вовсе не представлял ничего любопытного. Но это – дом... Там прошла вся жизнь. И было видно, как волнение каждого мужика, испытанного на прочность в боях с фашистами, возрастало с каждым километром, приближавшим его к родным местам.

Кто не потерял руки-ноги на войне, понимал, что он возвращается домой как кормилец. Как же намучились бедные бабенки без мужей во время войны! Но, к великому горю, были и такие, которые сами из вагона не смогли бы выбраться. В этой теплушке таких было двое. И несколько человек, которые без костылей были беспомощны.

Тем не менее, поезд неуклонно приближался к железнодорожному вокзалу городка Черновцы.

Как негласно установилось правило встречать каждый день поезд, так и собирался народ. И сегодня перрон пестрел, некоторые принесли букеты цветов, так, на всякий случай, если Господь даст радость встретить долгожданных своих мужчин. Считай, каждая женщина уже облюбовала себе место, откуда она могла получше рассмотреть выходящих из вагонов солдат.

От села Никольское до Черновцов было всего семь километров, идти не близко, но душа уже истосковалась, призыв ее заглушал и усталость, и все другие причины остаться дома каза-

лись несущественными. Стало быть, идти надо обязательно, ни одного дня не пропускать! А вдруг да счастье вернется в дом?!

И две соседки из Никольского, обе уже уставшие и измотанные испытаниями женщины, Ганна и Горпына пришли к прибытию поезда и заняли свои обычные места.

Ганна Нечипоренко отправила на фронт пятерых сыновей. Муж умер у нее, когда еще сыновья были малышами. Как же было трудно Ганне справляться с хозяйством, работать в колхозе... Но дети росли быстро. И теперь коровка ее больше не голодала. Сыновья и сена заготавливают, и за дровами в лес отправятся на колхозной лошадке. Ганна радовалась, глядя на своих пятерых ненаглядных сыночков. Ни один еще не успел жениться...

Грянула неожиданно война. Всех пятерых сразу мобилизовали. Ганна ночи не спала, то ей казалось, что она слышит голос старшего Микиты, то младшего Богданчика, каждый сын имел в ее душе свое место. Всем им, пятерым, места в ее душе и сердце было достаточно, так уж устроена мать. Но ее счастье материнское как ушло вместе с сыновьями на фронт, так там и осталось. Похоронки пришли сначала на предпоследнего сыночка, потом на старшего, потом на двух сыновей в течение одного, первого, года войны. И только за год до победы пришла последняя похоронка и отобрала у нее младшенького – Богданчика. Ему было всего 18 лет, когда он ушел на фронт.

Ганна почернела лицом, сгорбилась состарилась. Для чего же ей теперь жить, для кого?

Но на вокзал ходила как по графику. И сегодня она здесь. Стоит, прижав руки к груди, и напряженно всматривается в открытую металлическую дверь теплушки. Может, Бог смилостивится и вернет ей сыночков. Ну, хотя бы одного, хотя бы...

У Горпыны Мельничук положение было несколько не лучше, чем у Ганны. Муж ее оставил с двумя малыми детьми. Дочке было 10 лет, а Мыколке – всего 6, а у мужа новая любовь проснулась... В соседнем селе. Ушел и не оглянулся. Тоже мыкала горе Горпына, и детей поднимала одна. Перед войной дочка замуж вышла, а сынок Мыкола сразу же был призван на фронт. Ушел вместе с сыновьями Ганны. Пришла ей официальная бумага, что сынок ее пропал без вести.

Но и Горпына не могла до конца поверить в смерть сына. Вот так обе соседки-подружки и ходили на станцию встречать хоть кого-нибудь, кто, к счастью, уцелел в этой бойне. Материнское сердце всегда чувствует, мать никогда не теряет надежды. Они и жили-то лишь одной надеждой.

Поезд остановился, стоянка была короткая, всего семь минут. Поезд шел с запада, там и пассажиры специфические – возвращающиеся герои-воины... Как всегда, начиная с 10 мая 1945 года, во время прихода этого поезда включали на громкую трансляцию марш «Прощание славянки». Только теперь этот марш не мобилизовал на войну, он выражал радость встречи близких людей, радость возвращения к мирному труду. Громкая музыка зазвучала в момент открытия двери теплушки.

Из вагона начали выпрыгивать солдаты с вещмешками за спиной, это был самый важный момент. Все сосредоточились на открытой двери вагона. И уже слышались громкие крики радости. Эти крики вырывались скорее из сердца, чем из горла. Кто-то узнал своего мужа и кричал:

– Петро! Петро! Я здесь!

А вот крик и рыдания:

– Сынку, Данило, родной, живой... Живой!

Обе соседки вытирали глаза уголками головного платка, слезы каждый день текли из их глаз... Но это были слезы печали. Они никого пока не встретили. Наконец, все прибывшие выскочили из вагонов и тут же смешались с толпой встречающих. Радостный смех, возгласы, рыдания... Соседки разочарованно вздохнули. Но, как оказалось, это было преждевременно... Еще вышло несколько солдат на костылях, у кого была одна нога, у кого нога в гипсе...

И в завершение вынесли двух молодых парней, идти сами они не могли, ноги остались на полях битвы. Но эти парни тоже искали глазами своих близких.

Горпына толкнула в бок подружку и сказала голосом, в котором слышалось рыдание:

– Ганка, бачь, это же твой Богдан...

Ганна начала расталкивать толпу, чтобы пробраться и увидеть на земле тех ребят, которых только что вынесли из теплушки. Бедная мать, какие чувства она испытывала в тот момент, можно было понять. Ее младший сынок Богданчик! Без ног... Наконец, она пробралась через толпу народа и остановилась перед ребятами, которые сидели на полу перрона. Ближе к ней оказался именно ее Богдан. Он был с бородой. И только глаза его остались прежними по цвету, но не по выражению глаз... Его синие глаза смотрели на мать с такой болью, столько в них было горя, что мать бросилась на землю, обняла сыночка и заголосила:

– Милый ты мой, вернулся... Слава Богу!

– Мама, зачем я тебе такой нужен. Ничем даже не смогу помочь..

– Как это – ничем! Можешь! Ты во всем можешь помочь маме! Мы с тобой вдвоем горы свернем. Лишь бы ты был на свете!

В этот момент протиснулись через толпу еще две женщины. И обе бросились к парню, который также взволнованно смотрел, встретят ли его, нужен ли он своим родным без ног. Обе женщины плакали, их слезы смешались со слезами безногого героя войны. Они как-то сориентировались, и вскоре на коляске увезли своего мужчину домой. Это были его мама и сестра.

Ганна с Горпыной думали, как же им забрать Богдана, на руках его не донести, все-таки семь километров, придется искать что-нибудь, хоть бы найти где-нибудь коляску. И Горпына бросилась к начальнику вокзала за помощью. А Ганна сидела рядом с сыном на земле, обнимая его и глядя по небритым щекам. Она ему что-то говорила... Слова ее были такими нежными, как бывает, когда мать купает или кормит своего малыша, уговаривая его покушать, а ребенок отталкивает руку матери с ложечкой. Сам Богданчик тоже был в таком состоянии, ему хотелось плакать. Однако он себя сдерживал изо всех сил, ведь как ни говори, он – мужчина.

Богдан, наконец, выбрал момент и, взяв мать за руку, сказал ей как-то нерешительно:

– Мама, послушай меня! Посмотри на этого парня, видишь его? Это Василь. Мы с ним вместе воевали, прошли через огонь войны. Он – детдомовский парень. Лишился руки и потерял глаз в бою. Я прошу принять его в нашу семью. Все равно ему идти некуда. Мама, ты не против?

Ганна только сейчас увидела, что толпа-то уже рассеялась, они на перроне остались одни. Она с сыном сидела на перроне, а Василь стоял рядом, левый рукав гимнастерки был засунут под ремень, а правой рукой он придерживал на плече два рюкзака – свой и Богдана. Мать подняла глаза и встретила взгляд Василя. Ей невольно подумалось, что на войну эти мальчишки ушли совсем юными, потеряли здоровье, и теперь вот он смотрит так виновато, как будто просит прощения за то, что навязывает себя матери своего друга Богдана.

У Ганны прямо сердце облилось кровью, она и так еще не просушила слезы от того, что сын Богдан, на которого она получила похоронку, жив. Но без обеих ног... А тут пришел парень без глаза и без руки, и нет у него ни родных, ни дома своего нет.

Ганна поднялась на ноги, подошла к Василю, обняла его как мать сына, и сказала:

– Василь, не о чем тут думать. Давайте пойдем домой и будем налаживать свою жизнь. Мы не пропадем. Ни за что не сдадимся!

Тут уже к ним подбежала Горпына, она катила перед собой строительную тачку. Видно, никаких других средств доставки безногого инвалида домой не нашлось. Ну, так спасибо и за это!

– Ганнусь, давай посадим сыночка сюда да и пойдем не спеша.

– Горпынка, смотри, у меня еще один сын приехал. Это друг Богдана. – И тут же повернулась к Василю.

– Сынок, помоги нам посадить Богдана, и кидай сюда рюкзаки. Пойдемте, сыновья, сегодня мы с Горпыной возвращаемся домой не со слезами.

Василь одной рукой поддерживал тачку, и ему помогали женщины. Так они и отправились в путь до своего родного села Никольского.

## Глава 2. Жизнь не заканчивается

До дома дошли как-то неожиданно быстро, все время разговаривали. То Богдан спрашивал мать, то она ему задавала вопросы. Но первый вопрос Богдана был о судьбе его братьев. Парень сидел лицом к матери в тачке, запачканной засохшим цементом, напряженно всматриваясь в выражение лица матери. Услышав вопрос сына, Ганна как будто съежилась, ее лицо стало маленьким и сморщенным. Бедный парень все понял без слов и, заикаясь, проговорил:

– Что? Все четверо?

Мать молча кивнула. Она даже глаз не могла открыть. Ей так было легче идти. Слез давно уж не было, она выплакала их ночами за все эти годы. Но она нашла в себе силы сказать сыну:

– Сынку, так и на тебя пришла похоронка. А ты, слава Богу, жив! Может и их дождемся!

И сейчас она шла, не открывая глаз, держась за тачку, она на этой дороге знала каждую кочку. Лицо ее было такое скорбное, что сын закрыл лицо руками и долго плакал. Он старался не показывать своих слез, но по тому, как сотрясались его плечи, было видно, что горе его размером с Вселенную. Василь протянул к Богдану руку и погладил его по голове. Короткое рыдание вырвалось из горла Богдана... Тут отозвалась Горпына. Она тоже погладила Богдана по спине и сказала:

– Да и мой Мыкола пропал без вести. – И заплакала, со стоном, рыдание вырвалось из груди. – Эх, проклятая война! Какая же мать родила Гитлера? Какая же она мать? Звереныща родила, не человека... За что наши-то дети пострадали? Кому мы плохое сделали? Земля им понадобилась...

Ей стало плохо, бедная женщина держалась за сердце, она согнулась от боли. Ганна с Василем усадили Горпыну на краешек тачки и пытались ее успокоить. Ганна достала бутылку с водой и протянула ее Горпыне. Женщина потеряла одного сына, Но ее горе было не меньшим по размеру, чем у Ганны, потерявшей четверых сыновей. Горпына проплакалась, вытерла слезы и сказала:

– Пойдемте, дети проголодались, видно. Надо скорее их покормить. И женщины ускорили шаг.

Родное село Богдана в целом осталось прежним. Если сказать точнее, географически осталось прежним. А домов половины не было. Кто вырыл землянку на пепелище старого дома, кто соединился со своими родственниками. Как-то помогали друг другу люди. Так и пережили всю войну. Ганне и Горпыне повезло – их дома уцелели.

Богдан во все глаза рассматривал Никольское. Село есть село... Народ повыскакивал из домов, женщины рыдали, каждая вспоминала свои потери. А Ганне все же повезло. Без ног, но ведь – живой! Так в сопровождении целой толпы женщины и дошли до дома. Занесли Богдана домой и посадили на лавку за стол. Горпыне даже не хотелось идти в одинокий дом, и она стала тут же помогать подруге накрыть на стол, чтобы накормить сыновей. Домашняя еда, да еще из рук родной мамочки – самая вкусная. А Ганна уже побежала подтопить баньку. Она и плакала, и радовалась, глаза ее не просыхали от слез. Надо было как-то приспособить быт к физическим проблемам Богдана. Намывшись в бане, парни надели чистое белье, побрились, подстригли друг другу буйную шевелюру. Потом Богдана с трудом посадили на тачку, на чистую простынку и доставили домой. Посвежевшие после баньки, солдаты-победители, прошедшие ад войны, вели себя как ее подрастающие дети. Они смеялись... Даже Богдан на какое-то время забыл, что не пришел из бани своими ногами, а его доставили на кровать в тачке.

На ночь Ганна напоила парней парным молочком. Василь попросил разрешения спать в той же комнате, где и Богдан. Чтобы не беспокоить мать. Если Богдану что понадобится, то он поможет, а Ганна тоже должна отдохнуть и выспаться. Ганна то плакала, то смеялась. И все



потихоньку. Богдан не должен быть в сомнениях, что напрасно он вернулся домой, такой беспомощный, и матери он обуза. Никакая не обуза! И появлялась огромная радость, что хоть один из сыновей будет с ней. Она не расспрашивала сына, как же случилось, что он потерял ноги. Да и важно ли это сейчас, когда надо помочь сыну встать на ноги, чем-то заниматься. И пришла в голову первая благодарность Василию, что он оказался рядом с Богданом, они подружились. А Ганне-то какая помощь от Василя. Все равно мужик и даже в одной его руке силы намного больше, чем в ее двух, уставших от работы, натруженных руках... А сколько раз еще Ганна будет благодарна Василию... Он станет сыном. Война отобрала четверых, возвратив ей двух сыновей...

Она лежала одинокая в своей вдовьей постели. Не с кем обсудить семейные дела, посоветоваться, некому пожалеть... Всё одна... Вот только с Горпыной и обсуждали свои дела. И совет держали только с ней. Эх, что же за жизнь... Вся радость была – сыновья, красавцы, синеглазые, в нее. Статные парни, девчата заглядывались... А сейчас ни сыновей, ни внуков... И продолжение рода не предвидится. Может, если только Богданчик женится... Да... женится ли.. Она еще поворочалась и уснула.

Проснулась Ганна рано, на рассвете и услышала негромкий разговор своих сыновей. Они что-то оживленно обсуждали. Ганна постучала в дверь, они разом откликнулись, и мать вошла в комнату.

– Чего вы так рано проснулись, голубчики?

Василь живенько ответил Ганне:

– Сейчас утром пойдем мастерить каталку Богдану. Ему надо передвигаться по двору. Я уже все продумал. Одна нога у него почти до колена сохранилась, а вторая – покорооче оказалась. Я сделаю каталку на колёсах, а сиденье мягкое сделаем. Чтобы ему было удобно сидеть. Колеса я уже решил, какие будут. Это первое, что мы собираемся сделать.

Богдан смотрел на мать ясными синими глазами. В них светилась надежда.

– Мама, я осмотрюсь немного и придумаю, чем буду заниматься. Мы не пропадем, правда, Василь?

Василь кивнул. Он-то остался малышом без родителей, воспитывался у бабушки, потом она умерла. Но пока она была жива, он старался быть мужчиной, заменял ее во всех делах, где только мог. А сейчас он взрослый. И они с Богданом найдут способ зарабатывать на жизнь.

Вот и началась мирная жизнь двух молодой парней с искалеченными телами, но душа их осталась чистой, они не потеряли доброту и чувство юмора. Ганна больше уже не ходила на вокзал. Она душой приняла, что вряд ли вернутся ее любимые сыночки... Хорошо, что двое теперь с ней.

Для коровы сено Ганна готовила с Василем вместе. Потом брали в колхозе лошадку и вывозили сенцо с лугов домой. А в деревне так: если есть корова в хозяйстве, значит семья сыта. А при коровке и поросенка можно вырастить. Также заготавливали дрова на зиму. Одним словом, жизнь в семье Ганны постепенно пришла в обычный режим.

Вдруг сыновья ей объявили о своих планах. Они будут изготавливать мебель. Ведь после войны люди были бедны, как церковные мыши... Никто не мог позволить себе покупку, да и в магазинах этого не было. Оказалось, Василь видел в своем сиротском детстве, как сосед, живший рядом с домом бабушки, мастерил все, что ему заказывали односельчане. Частенько ребенок сидел рядом, а сосед мастерил свои поделки и разговаривал с Василем. Василь до сих пор хорошо помнил, что сосед разговаривал с мальчиком, а губами зажимал несколько мебельных гвоздиков с широкими круглыми шляпками. Оттого слова были неразборчивы, он что-то бурчал, а Василь хохотал и спрашивал, не боится ли дядя Петро проглотить гвозди? Парни так оживленно обсуждали свои рабочие перспективы, что Ганна тоже загорелась этой идеей. А что?! Резная мебель, с цветами, с листьями – это очень красиво. Решили первым делом создать резную табуретку и посмотреть, что из этого получится.

Ганна запрятала несколько купюр, которые берегла еще с начала войны, а теперь отдала сыновьям, и инструмент был закуплен. Под навесом в сарае сделали верстак, а тут уже и древесина успела подсохнуть, и парни начали работать. Для Богдана Василь приспособил кресло на колесиках, с высокими ножками, чтобы он мог спокойно передвигаться вдоль верстака и спокойно мастерить. Вот уж понравилось Богдану занятие резьбой по дереву. Его руки так и мелькали, и вот уже проявляются цветы. А то видятся березы, кустики и лиса на полянке. Не быстро он освоил мастерство резьбы. Но талант к этому, несомненно, дремал, и работы получались такие душевные и спокойные. Как будто создавал эти шедевры человек, сидя в своей мастерской, довольный жизнью, не потерявший свои дорогие ноги... Славяне такие... Ничто нас не может ослабить...

А главное – все потери несопоставимы с гордостью нации, выстоявшей в битве с фашистами. Советские солдаты дошли до логова фашистов, повесили свой флаг над Бундестагом. Поэтому и парни, потерявшие здоровье, как-то не сникли в горе, а нашли в себе силы выстоять и нашли себя. Да еще и мастерами своего дела стали. Посыпались заказы не только от односельчан, а даже из Черновцов и из окрестных сел стали поступать. Но первым делом – подарок маме. Для Ганны сделали новую кровать. И убрали металлические спинки. Правда, панцирную сетку оставили, все село сбегалось посмотреть. Все были в восторге и пошли заказы...

Постепенно парни отремонтировали дом. Даже крышу Василь умудрился починить одной рукой. Тоже, видать, гвозди зажимал губами. Вскоре Ганна увидела, что ее сыновья ковыряются с окнами. Она заволновалась, неужели и окнам требуется ремонт. Но парни уже устанавливали резные наличники, которые прежде всего покрыли олифой, чтобы дерево дольше служило. Ох, какая же красота получилась! Новые заказы появились и на наличники.

Однако зима не заставила себя ждать. На улице работать невозможно. Слава Богу, у Ганны в доме было три комнаты, и одна пустовала, это была комната трех старших сыновей. Там и сложили пиломатериал для просушки, там и верстак установили. Работа шла оживленно и споро. У Богдана проснулся дизайнерский талант.

Пришла как-то женщина с просьбой, сделать ей деревянную перегородку в просторной комнате. Богдан сделал заготовку досок и тут же засел за работу. Очевидно, в голове его уже эта идея где-то обрабатывалась. Поэтому он тут же и начал ее реализовывать. Два месяца парень изо дня в день трудился... Результат был ошеломляющий. Вид на деревню с пригорка. Все дома, считай, все село он изобразил на панно. Дома, деревья, дорогу, мелкие фигурки людей... Для сельских жителей этот вид творчества был незнаком. Но всем понравилось панно. За него Богдан получил мешок пшеницы, достойная оплата. Парни часто громко смеялись. А Ганна, прислушиваясь к их смеху, думала, что теперь хорошо бы их женить. Может, и внуков дождалась бы бедная Ганна. Это была ее тайная и главная мечта. Правда, она об этом и речи не заводила... Даст Бог жен – будут и внуки.

Прошло несколько лет. Военкомат позаботился об инвалиде войны. В результате у Богдана появилась коляска, на которой теперь он мог самостоятельно передвигаться по селу. Вот уже и появились первые завистники. А как же! Они тоже потеряли своих сыновей, а вот Ганке повезло. Разбогатела со своими сыновьями. Но это были не злые слова, просто все тогда жили бедно. И завидовали тем, кто мог зарабатывать деньги и содержать семью.

### Глава 3. Путь на небо – через ад на земле...

Семья Григория Ивановича Казакова, как и все семьи военнослужащих, кочевала по просторам Советского Союза, куда пошлет Родина служить, туда и ехали всей семьей. Последние годы перед войной место его службы находилось в Белой Церкви, городке, расположенном южнее Киева. Григорий Иванович был потомственным военным. По крайней мере, с момента становления Советской власти его отец был кадровым военным и вышел в отставку в 1935 году в чине полковника танковых войск. Гриша еще мальчиком вкусил прелесть кочевой жизни советских офицеров. Он побывал с родителями на севере и юге, западе и востоке страны. А когда вырос, то сомнений не было. Он идет учиться в танковое училище. Офицер-танкист! Это звучало мужественно и гордо.

Учился он в Благовещенске-на Амуре, там же и любовь всей своей жизни нашел. Девушка училась в мединституте. А имя у нее было самое милое – Милана... Ее можно называть ласково – Лана, а можно – Мила. А полное имя – Милана звучало еще прелестнее. Наверное, все-таки не в имени дело, а в девушке... У нее были прекрасные серо-голубые глаза, с длинными черными ресницами. Ее светло-русые кудри рассыпались по плечам. Как это принято, курсанты военных училищ с удовольствием посещали студенческие вечера в вузах. Вот там они и познакомились. Все с Миланой было в радость. Григорий уже заканчивал училище и должен был ехать к месту прохождения службы.

Но Милане надо было еще учиться целый год. Расстаться молодые, влюбленные в друг друга ребята, не могли. Милана согласилась стать женой Григория. Студенческие свадьбы – самые веселые, танкисты перезнакомились с медиками, и вскоре последовали новые свадьбы. Милана училась на последнем курсе своего мединститута, а Григорий получил направление в Сибирь. Конечно, все трудности гарнизонной жизни Милана познала в полном объеме. Но ведь не секрет, насколько в доме офицера гармоничная обстановка, настолько быстро проходит он по карьерной лестнице. Так что в Белую Церковь, под Киевом, он прибыл уже начальником штаба танковой дивизии в высоком звании.

Время было мирное. Однако военные, в отличие от мирных жителей, лучше всех понимали, насколько мир хрупкий и ненадежный. Война с Германией в целом была ожидаема. План нападения на СССР, который получил название «Барбаросса», был подписан Гитлером еще в декабре 1940 года. В своих расчетах немецкое командование исходило из организации молниеносного удара, который предусматривал быструю и полную победу над противником в течение одной компании.

И все-таки, когда в ночь на 22 июня 1941 года раздался могучий гул самолетов, нагруженных бомбами, для советских людей это оказалось неожиданностью. Однако Григорий Иванович был кадровым военным в звании подполковника, он-то моментально понял, что это означает. Вскочив с кровати, Григорий Иванович позвонил быстро в штаб и приказал поднять дивизию по военной тревоге. Жене успел только сказать:

– Смотри по обстановке. Похоже, началась война с Германией. Берегите себя! Если сможешь, быстро вырывайся в Благовещенск с девчонками. После войны я тебя буду искать там. – Поцеловал в последний раз жену и убежал в часть.

С этой ночи началась тревожная военная жизнь. На следующий день Григорий Иванович отбыл с армадой танков на боевые позиции. Слишком тяжелая обстановка сложилась в стране, поэтому семьи военнослужащих остались здесь, в Белой Церкви. Выехать из города было некуда, они оказались в тылу у врага.

После бомбовых атак с самолетов пошла моторизованная пехота. Фашисты все предусмотрели. Тем и отличается немецкая нация, что их главное качество – аккуратность. В первый же час вступления в населенный пункт комендатура начинала свою работу. Если основ-

ные войска продвигались с огромной скоростью вперед, то зловещий порядок на местах тут же начинал действовать путем расстрелов, насилия и уничтожения населения. Их городок Белая Церковь в момент был оккупирован.

Милана с девочками сидела дома, выехать вглубь страны уже не было возможности, они оказались в тылу. Немцы ожесточенно продвигались вперед, на восток. Каждый солдат был правильно и красиво сориентирован. Он не просто идет воевать и уничтожать непокорных русских... Нет! Есть цель еще более важная. Там, в России, такие просторы, которые несопоставимы с землями вермахта. Поэтому на завоеванных землях каждый солдат получит имение с уже готовой инфраструктурой и впридачу к имению десятки покоренных рабов, которые будут ноги целовать хозяину только за кусок хлеба. Все эти прекрасные перспективы гнали вперед армаду танков и пехоты все дальше, на восток.

Она сама бы сейчас уже отправилась на фронт врачом, но на ее руках две дочки. Она так боялась за них, ее просто съедал страх, потому что уже ползли слухи, что фашисты не жалеют никого, насилуют девочек и мимоходом расстреливают. Немцы убивали всех, кто только мог держать в руках автомат. Только по этому признаку человек уже должен быть уничтожен. Милана тряслась днем и ночью. Бедная женщина не представляла, как они будут жить, чем кормить детей. Те продукты, которые оставались, уже почти закончились. Ее муж, с которым она чувствовала себя как за каменной стеной, находился на переднем крае битвы. Она должна рассчитывать только на себя. Наравне с грядущим голодом была опасность того, что ее уже подросшие дочки могут попасться на глаза фашистам..

Младшая Ниночка вытянулась в свои тринадцать лет как тростиночка. Да чего тут удивляться, ведь и сама Милана, и Григорий были стройными и высокими. Такой же красавицей становилась их младшенькая... А старшей Надюше исполнилось в феврале семнадцать лет, она уже сдала все экзамены, и теперь мечтала, что после выпускного бала отправится к своей любимой бабулечке в Благовещенск. Она мечтала поступить в Благовещенске в медицинский институт и стать врачом, как мама. Однако планам миллионам советских людей не суждено было осуществиться. Некоторым – никогда, а уцелевшим долго еще было не до осуществления довоенных планов. Прошел месяц. Их никто не трогал, хотя выстрелы слышались то и дело. На улицах стали появляться какие-то подозрительные личности, предлагающие купить вещи за деньги или в обмен на продукты. Поскольку было лето, то летние вещи были более продаваемы. Милана собрала свои самые лучшие платяица и вынесла на улицу, где ее поджидал человек, которому она махнула рукой из окна. Он стоял спокойно, у его ног был мешок с продуктами.

Он с пристрастием осмотрел все четыре платяя, вздохнул и покачал головой.

Милана со страхом спросила:

– Ну что, берете?

– Жаль мне тебя, потому и возьму. Но вещи сильно поношенные, кому я их продам? Могу предложить лишь вот это.

И он достал из мешка килограмм картошки, пачку гречки и пшена. Подумал, наклонился снова к мешку, порылся в нем и достал пачку соли. У Миланы слезы выступили на глазах. Но выхода не было, и она рассталась с платяями, прижала к груди продукты и пошла домой. Слезы сами собой катились из глаз. Неизвестно еще, что будет дальше... Да, действительно, ей неведомо было, что дальше будет только хуже.

Судя по тому, с каким счастливым видом ходили фашисты по их городку, становилась понятной обстановка на фронте. Фашисты быстро наступали. К осени они хотели закончить наступательную компанию. Москва должна быть взята в октябре.

В начале августа по городку проехал на автомобиле человек с рупором в руках. Он громко повторял на каждой улице одну и ту же фразу на русском языке:

– Внимание! Жители города! Через час все обязаны выйти из домов, с собой возьмите свои ценные вещи и документы. Кого найдем в квартирах, расстрел на месте, без предупреждения.

Было очень страшно. Милана сказала девочкам как можно спокойнее, что им надо вскоре выйти на улицу. Дома нельзя оставаться – расстреляют за неподчинение. Через час в центре военного городка между домами собрались все жители, семьи тех военных, которые в этот момент защищали всю страну, только своих самых дорогих людей защитить не могли. Женщины прижимали к себе детей, жались друг к другу. Толпа стояла настолько плотно, как монолит. Все понимали, что хорошим визит немцев не закончится. Да и сами фашисты понимали, что категория людей не такая уж и простая. Это выкормыши тех, кто сейчас им противостоит на просторах Советского Союза. Эти женщины с детьми фашистам совершенно не были нужны.

Народ стоял в напряженном ожидании. Только младенцы беспечно тянулись к лицам матерей, чтобы схватить мать за волосы или поковырять ей глаза, как это любят делать малыши.

К толпе подрулила легковая машина с открытым верхом. Водитель лихо затормозил прямо перед стоящими женщинами. И тут же побежал открыть дверцу важному пассажиру. Тот вышел из машины и вслед за ним выскочили трое солдат с автоматами наперевес. Милана подумала:

– Хороши перед беззащитными женщинами и детьми бегать с автоматами. – И снова слезы выступили на глазах.

Тот, кто был главным среди немцев, шел вдоль рядов женщин и детей. В руках у него была дубинка, за поясом – пистолет. Немецкая форма была на нем как влитая... Очевидно, подгоняли форму специально для него. Высокий чин? Это был молодой мужчина, даже, можно сказать, что он не стал еще мужчиной, это был молодой парень. Сапоги на нем блестящие, и весь он был начищенный и такой торжественный. На лице его было написано, что он явно упивался властью над беззащитными людьми. Его лицо было красивым, черные большие глаза, высокий красивый лоб... Чем-то напоминал советского поэта Владимира Маяковского. Ростом он был около двух метров, фигура прямая. Ему бы на подиуме показывать модели мужской одежды, а фашист неторопливо шел, похлопывая дубинкой по голенищу сапога. Он внимательно всматривался в лица людей. Но действий никаких не предпринимал.

Наконец, он остановился. К нему тут же подскочил солдат с автоматом. Офицер на чистейшем русском языке обратился к солдату:

– Смотри за моей дубинкой. На кого укажу, этих людей вывести из строя. – И он снова пошел вдоль застывшей толпы. Вот он остановился и дубинкой показал на молодую девушку, потом еще одну вывели из толпы... Вскоре народ понял принцип отбора. Он рассматривал молодых женщин, девочек-подростков и девушек. Его интересовали только молодые женщины и девушки... Какой ужас!

Все население военного городка стояло перед ним. И было их человек около трехсот. Отобрал этот офицер примерно около 35 девушек. Все они были оторваны от своих близких и стояли перед своими родными, но возвратиться в толпу уже не имели возможности. Они стояли, прижимаясь друг к другу, некоторые рыдали. Но солдат автоматом слегка стукнул плачущую девушку, та испуганно замолчала.

Два солдата быстро расставили девушек в колонну по три человека и скомандовали идти на дорогу. К ужасу Миланы ее обеих дочерей офицер забрал от нее и сейчас их уже выводили по дороге из городка. Женщины закричали, заголосили. Стоял ужасный вой... Милана выскочила из толпы и бросилась в ту колонну, где были ее дочки. Подскочивший солдат готов был уже стукнуть хорошенько ее прикладом автомата, но офицер остановил его. Посмотрел в лицо Миланы, криво усмехнулся и загадочно сказал:

– Ага! Ты захотела пойти с ними? Ну, иди. Мешать не будем.



Милана встала в строй с дочками и пошла с ними рядом. Все были напуганы, многие рыдали. Вдруг одна девушка забилась в конвульсиях, она упала на пол, изо рта у нее показалась пена, глаза закатились, и она судорожно цеплялась за землю. Все испуганно окружили ее, нарушив стройные ряды колонны.

Милана поняла, что у девушки эпилептический припадок, налицо все симптомы. Солдат с автоматом спокойно и даже равнодушно подошел, приставил дуло автомата к ее голове и выстрелил. Девушка затихла. Он тут же приказал девушкам:

– В колонну по три и вперед!

Тут уже отпали последние сомнения, как с ними будут поступать в нештатных ситуациях.

Девушек привели в помещение школы, где учились еще совсем недавно эти девочки. Закрыли в спортзале, там было много места, на полу расстелены маты.

– Отдыхайте, пока живы! – сказал охранник и вышел, закрыв на замок дверь снаружи. Фашисты понимали, что девушки оттуда не выберутся никогда. Спортзал был укреплен решетками на окнах. Решетки невозможно выломать слабыми девичьими руками. Да и снаружи прогуливался охранник.

Обессиленные девушки свалились на пол. Их никто не кормил, но ведро с водой поставили. Милана с тоской подумала:

– Если не дали еду, значит, нам не дадут долго жить.

Кошмар начался вечером. Дверь открыл солдат и приказал нескольким девушкам выйти с ним наружу. Через некоторое время раздался дикий визг, крики. Это продолжалось до глубокой ночи. В спортзале царила паника. Милана поняла, что над девушками издевались, возможно, их насиловали... Девушки назад не вернулись. Утром оставшимся в спортзале принесли хлеба, несколько маленьких кусочков сала и полное ведро воды. Все девушки были в таком состоянии, что почти никто не прикоснулся к еде.

Вечером история повторилась. С десятков девушек увели, снова дикие крики и тишина до утра. Осталось в спортзале всего тринадцать человек. Ее девочки прижимались к матери. Горю Миланы не было предела. Она здесь была самая старшая и попала сюда из-за дочек. Если уж умирать, то вместе. Судя по всему, сегодня заберут всех остальных. Боже мой! Бедные девочки... Ей судьба всех молодых девушек казалась ужасной в этом спортзале, а что ожидает ее любимых девочек... Насилие, издевательства. Вряд ли их всех оставят в живых.

На закате солнца снова пришел охраняющий их солдат, открылась дверь, закатное солнце было багровым, даже небо было кровавого цвета. У Миланы сжалось сердце...

– Выходите все!

Девушки вышли. Все они знали друг друга, росли вместе, их отцы были танкистами. Мужественные люди, если бы только они знали, что было уготовано их девочкам. Но отцов рядом не было... А фашисты развлекались. В школе, где девочки знали каждый класс, каждый угол, в самом большом классе стоял длинный стол, на котором чего только не было, еда всякая... Бутылки с самогоном, украинская горилка пришлась по вкусу фашистам. За столом сидело несколько офицеров. Они были явно навеселе, то и дело прикладываясь к бутылкам с самогоном.

Вошедшие в кабинет девушки сбились в кучку у дверей класса.

Во главе стола сидел тот самый офицер, который отбирал девушек для своих развлечений.

– Ну, проходите, русские красавицы! Вы у нас в гостях.

Девушки замерли и с ужасом смотрели на фашистов. Лица у немцев были сытые, раскрасневшиеся от самогона. Это потом они будут у них красные и обмороженные под Москвой и Сталинградом, а пока победа была на их стороне. Советские войска несли огромные потери, на слишком высокую планку подняли в Москве доверие к пакту Молотова-Риббентропа...

Офицеры развлекались и отлично проводили время уже два вечера, третий вечер обещал радости еще больше, сегодня девушек больше, чем в прошлые вечера. Только сейчас Милана увидела в углу комнаты несколько матов из спортзала. И на них пятна крови. Ужас охватил ее, она огромным усилием удержалась на ногах.

Что творилось последние два вечера в этом класс, где еще недавно был кабинет математики, трудно вообще представить, а не то, чтобы быть свидетелем кровавых событий. Никто добровольно не сел с фашистами за стол. Тогда один из офицеров схватил первую попавшуюся девушку и притащил ее к столу. Ее пытались угостить самогоном, но девушка сопротивлялась. Тогда один из немцев взял стакан, а два других держали ее руки. Влить ей в рот полстакана самогона не представляло никакого труда.

С девушками более всего разговаривал и шутил, ему самому так казалось, тот самый офицер, который выбирал девушек из толпы людей. Он улыбался девушке, которой только что влили в рот самогон и сказал ей даже ласково:

– Глупая, чего боишься. Тебе будет приятно, ты расслабишься от самогоночки... Ты что, никогда не пила? Ну, пойдем со мной.

Он встал из-за стола и был такой большой и высокий по сравнению с маленькой хрупкой девушкой. Он не стал долго церемониться, толкнул девушку на спортивный мат, растянул брюки и навалился всем телом на несчастную пленницу. Она кричала изо всех сил, но руки ее он успел уже перехватить и держал их в одной своей могучей руке. Девушка визжала так сильно, что ему надоело терпеть, и он влепил ей такой удар в голову, что та потеряла сознание. Фашист был на вершине блаженства – он тут хозяин... Девушку он сам перетащил в угол, где она лежала как мертвая, не приходя в сознание. Фашист вернулся к столу, налил себе самогона, закурил салом и вареным яйцом.

А в это время остальные фашисты развлекались с девочками, которые были еще школьницами. Они были еще детьми... Ну, какая же мать родила этого парня, ведь он – русский... Или украинец, говорит на русском чисто. Но, правда, русский на Украине тогда знали все так хорошо, как и украинский. Когда очередной фашист схватил за руку ее Ниночку, Милана бросилась на него как тигрица. Он удивленно спросил:

– Ты чего?

– Это моя дочка, она маленькая еще, не трогай ее.

Один из фашистов так расхохотался, как ему стало весело. И он повернулся к уже знакомому Милане офицеру и крикнул:

– Мыкола, гля! Это мать с дочкой. Обе хотят...

Мыкола подошел и выбрал из оставшихся Наденьку, старшую дочку Миланы. История повторилась. Марина защищала детей, бросаясь на Мыколу. Тому стало вообще весело и забавно.

– О! Так вы тут всей семьей! Отлично! Будете моими девушками весь вечер... О... таких красавиц давно не видел...

В это время одна из девочек укусила расслабившегося фашиста за ухо, он дико заорал. Ухо болталось на коже, видно, недолго осталось фашисту ходить с двумя ушами. Если останется жив, попросит компенсацию в правительстве вермахта за увечье, полученное на полях боя. Мог ли он простить этой русской дурочке нападение на себя... Не долго думая, офицер схватил пистолет и тут же застрелил девочку. Ее оттащили в угол, где одна на другую кидали изувеченных, израненных девушек. Как на свалке, потому что многие были без сознания, а некоторые стонали и плакали.

Мыкола страшно разозлился и прорычал Милане, которая прижала к себе обеих дочек:

– Какую из них отдашь первой?

Милана уже не помнила себя, она бросилась на здорового фашиста, собираясь выцарапать ему глаза.

– Ну ладно, тебе полезно посмотреть, как я буду веселить твоих дочек, – и схватил Ниночку.

Тот фашист, которому откусили ухо, обливаясь кровью, выбежал вон. Надо было найти доктора... Двое других фашистов держали за руки Милану, а Мыкола в это время резвился, превращая ее маленькую дочку в бесформенную кучу костей и мяса. Он дважды нанес ей удар кулаком по голове, и Ниночка потеряла сознание. Милана кричала как раненый зверь:

– Убейте меня, не трогайте детей!

Мыкола обернулся к Милане и ответил:

– Подожди, убьем, время еще не пришло. Сейчас вторую дочку попробуем. А первая-то дочка – ягодка...

И он заржал...

Милана не могла выдержать больше, она потеряла сознание тогда, когда Мыкола издевался над старшей дочкой. На какие-то секунды Милана приходила в сознание и видела пыхтящего над ней Мыколу. Он изнасиловал и ее. Но прежде влепил ей по голове рукояткой пистолета. В конце концов, Милана оказалась неспособной воспринимать действительность, сознание покинуло ее. Их так и бросили в классе. Фашисты с испорченным настроением покинули место развлечений. Одна из девочек тоже смогла укусить за щеку фашиста, но ему было уже не до нее, и он убежал из класса, зажимая лицо тряпкой.

Утром всех девушек, кто остался жив после вчерашнего ужаса, погрузили в кузов грузовика и вывезли за город. Предложили им самим спуститься на землю. Милана обнимала своих дочек, последние минуты жизни пытаясь из защитить собой. Что минуты их жизни последние – она поняла по тому, что была вырыта огромная яма, которая наполовину уже заполнена трупами. К своему ужасу, Милана узнала в мертвых жителей военного городка. Мертвые матери прижимали к груди мертвых детей... И Милана подумала:

– Если я останусь жива, буду мстить, пока глаза мои не закроются... Господи, спаси моих детей, оставь их в живых.

Пока спускались из кузова остальные девушки, Милана прошептала девочкам своим, чтобы когда приготовятся стрелять, они прятались за нее и падали в яму, а потом ночью постарались вылезть и уходить куда-нибудь подальше.

Мыкола был в полной боевой готовности. Эти твари еще поплатятся за раны, нанесенные двум боевым немецким офицерам. Пистолет в его руке так и ходил.

Бедных истерзанных девушек поставили на краю братской могилы. Два немца с автоматами встали на изготовку. Мыкола дал короткую команду. В этот же момент Наденька шагнула за мать. У Ниночки сил не было сделать даже шаг. Она замертво свалилась в яму. Милана получила пулю в сердце. Но зато Наденька почувствовала обжигающую боль только в левой руке и упала вместе с мамой и сестрой. Она даже сознание не потеряла, но понимала, что не должна показать, что она жива. Кто-то, очевидно, шевелился, поэтому раздалось два коротких пистолетных выстрела и все стихло. Наденька услышала, как Мыкола скомандовал солдатам:

– Слегка присыпьте, чтобы не сильно вонь шла, завтра привезем следующих. Закапывайте быстрее, едем!

Земля засыпала ее лицо, она уже не могла дышать, но шевелиться было нельзя. Семнадцатилетняя девочка, избитая, изнасилованная, потерявшая маму и сестренку, теряя сознание, подумала:

– Ведь это даже не фашисты, это же русские, свои. Говорят на русском... Тогда какие же фашисты, еще страшнее.

Но куда еще было страшнее, и Наденька потеряла сознание. Девушка потеряла много крови, лежа целый день под землей. Она приоткрывала глаза и сквозь небольшой слой земли видела солнце. Снова проваливалась в беспамятство. Наконец, солнце село, наступила темнота. Наденька ощупала рядом лежащие трупы. В живых не осталось никого. Девушка собрала

последние силы, стряхнула с себя землю, и теперь ей предстояло еще выкарабкаться наверх из могилы. Удалось, но с трудом. Была тишина. Уже наступила ночь. Рядом была река, мелкая речушка. Если перебраться на другой берег, вода смоет все следы крови, и фашисты не обнаружат вернувшуюся с того света школьницу.

Город остался позади, за рекой был лес. Фашистам не было нужды отсиживаться в лесу, сегодня они тут хозяева... Зато в лесу начали появляться партизанские отряды. Защитники Отечества быстро сориентировались и начали создавать мелкие отряды. Такой небольшой отряд наткнулся в лесу на девушку, потерявшую сознание. Она прижимала к груди простреленную руку, вся одежда ее была в крови. Партизаны подняли несчастную девушку на руки и принесли в свою землянку. Перевязали руку. Слава Богу, рана оказалась не такой уж опасной.

Так Надежда за несколько дней с того момента, как она с мамой и сестренкой Ниночкой вышла из дома и попала в спортзал, повзрослела. Ее глаза смотрели так серьезно, уже нельзя было подумать, что этой девочке всего семнадцать лет, и она в этом году окончила школу. Она никому не могла рассказать о пережитом. Такие издевательства над школьницами – произнести страшно вслух...

Так Надежда осталась в партизанском отряде. Ей повезло во всем. Она за всю войну получила одно легкое ранение. Надя была дочерью командира танковой дивизии и достойно защищала свою Родину от врагов. Дошла до Берлина и получила один орден и медаль. А известно, что орденами не просто так награждают. Надежда мстила за свою поруганную юность, за смерть матери и сестры.

## Глава 4. Путь падения Мыколы

Соседки Ганна и Горпына так и продолжали дружить. Этой дружбе около тридцати лет. Всегда обговаривали свои проблемы вдвоем. Так и выживать легче, и меньше любопытных. Все дела – внутри своего дома. Обе воспитывали детей без мужей. Часто смотрела Горпына через ивовый плетень из своего огорода во двор Ганки. А там всегда шла какая-то работа, дети бегали во дворе, как муравьи. А уж как подросли, так и вовсе, и сена заготовят для коровки, и дровишек из леса привезут. И дома все в порядке держали. Все-таки Ганна – ее подруга, счастливая мать.

У Горпыны было двое деток – старшая дочка Олеся и сынок Мыкола. Слава Богу, она не обижалась на деток. Дочка тоже помогала ей по хозяйству, а вот Мыкола все смотрел бычком. Никогда не приласкается к матери, в то время как она видела Ганну, идущую по двору, а ее с обеих сторон обнимали младшие, они шли с ней и корову доить, и в огород грядки полоть. В чем тут разница, Горпына понять не могла.

А вот Мыколка видел разницу, и думал об этом с детства. Он был совсем маленьким, но помнит, как внезапно умер муж соседки. Как плакала соседка, а ее муж лежал в гробу, обложенный вокруг цветочками. Было горе, и он это чувствовал. И совсем другое дело, как ушел из семьи его отец. Мыколка хорошо помнит, как отец с матерью выясняли отношения. Он слышал, как отец говорил матери, что она никчемная и тупая баба, а его Роза, что в соседнем селе – ей не чета. Она и красива, и телом бела, и лаской согреет, а ты – все уставшая да занятая...

Собрал отец свой рабочий инструмент в мешок, взвалил на плечи и пошел со двора. Мыколка догнал отца, забежал вперед батки и, заглядывая отцу в глаза, спросил:

– Батка, ты с нами теперь никогда жить не будешь?

Отец кивнул в знак согласия – никогда...

Ребенок залился слезами...

– Батка, а как же я?!...

– Ну, разнюнился... Или ты не мужик? Запомни, жизнь как куча-мала, кто-то барахтается внизу, а тот, кто по головам вскарабкался, тот и будет править всеми. Ты еще маленький, не понимаешь, о чем говорю. А слова мои запомни. Ну, чего смотришь как зверек? С голоду не умрешь, вырастешь!

Обошел Мыколку как мелкое препятствие и пошел дальше, неся мешок на плече и посвистывая...

Малыш вскарабкался на сеновал, рыдал там весь день и там же уснул. Мать обыскала весь двор, пока поняла, что сеновал еще не обследовала. Вот там она и нашла спящего сыночка, спустилась с ним во двор, положила на кровать и долго сидела рядом с ним, беззвучно плача... Ведь она осталась один на один с проблемами. А в сельской жизни без мужчины держать в порядке дом и хозяйство – трудно, иногда невозможно.

Мыкола проснулся утром и взгляд его был какой-то пустой, отстраненный. Как будто был здесь, а в мыслях – далеко отсюда... Никогда не расслаблялся, не смеялся громко и заливисто, как другие дети. Вот те же соседские пацаны. Вечно с их двора слышится хохот... Над чем они так весело смеются? Горпына смотрела на сына и не дано ей было проникнуть в его мысли, узнать, чем живет сынок, какие мысли, какие планы... Ничего не знала... Не была Горпына психологом, она – простая крестьянская женщина.

А Мыкола усвоил из речи батки только то, что мать – никчемная, глупая, некрасивая, с натруженными руками... Но есть и полная противоположность его матери. Это та, к которой ушел отец. Его привлекли белокурые локоны, белая кожа... Та женщина не копалась в огороде и не доила корову. Она в глазах отца выглядела как богиня. Мыкола исподтишка рассматривал



мать... Да, отец был прав. Надо стремиться к красоте и изяществу... Ему ни разу в голову не пришло, что мать старалась поднять сына на ноги одна, без помощи мужа, выполняла и мужскую, и женскую работу.

Постепенно в его глазах уровень материнской личности опускался все ниже и дошел практически до нулевой отметки.

Время шло... Мыкола рос быстро, среди ровесников еще в школе был на голову выше остальных. Учиться ему было не трудно, труднее было наблюдать, как другие дети легко воспринимали жизнь. Чувство любви до сих пор ему было неведомо. Но любовь появилась внезапно. Элла! Эллочка! Дочка директора школы, в которой он учился. Девушка была белокурой, красивая. Мыкола не имел опыта ухаживания за девушками, он ходил позади девушки, как нитка за иголкой. Но не произносил ни слова. Ее стало раздражать непонятное поведение парня. И она стала явно избегать Мыколу. Увидев его на улице, она резко возвращалась, чтобы не столкнуться с ним. С таким позорным результатом окончился первый любовный опыт.

То, что Элла отвернулась от него, Мыкола получил удар в самое сердце. Опять вспомнился отец, когда он восхищался своей новой женой, что она красивая, белокурая, нежная... А получается, что отец отвернулся от матери, а заодно и не дал уверенности своему единственному сыну. Значит, Мыкола недостоин красивых, нежных женщин. Он не знал, как ему утвердиться в своей жизни. И как в жизни, которую отец обозначил как «куча – мала», пробиться наверх, а не барахтаться внизу, где давят на тебя все, кому не лень...

В армию Мыколу не взяли по причине плоскостопия и нарушения деятельности левого желудочка в сердце. Но когда началась Великая Отечественная война, то ограничения в пригодности были сняты и Мыкола получил повестку. Сбор был назначен на железнодорожном вокзале в Черновцах, оттуда мужчин отправляли сразу на фронт.

Он ушел на фронт уже 23 июня 1941 года. Соседская Ганна провожала всех своих пятерых сыновей, поэтому шли пешком на вокзал Ганна и Горпына, и их сыновья. Настроение не могло быть праздничным. Из их села Никольское забрали почти всех мужчин, остались лишь старики, женщины и дети. Как плакали женщины, каждая обнимала своего родного мужа или сыночка. А некоторые провожали и сыновей, и мужа... Слезы и рыдания... Дети плакали от того, что плакали их мамы.

Мыкола стоял как застывший. В его планы совершенно не входила война. Он собирался ехать в Киев и искать там удачу. Бедная Горпына плакать старалась тихонько, сыну не нравилось, что мама раскисает... Последние объятия, пожелания вернуться живым и здоровым и началась погрузка в вагоны.

Поезд ушел... Ушла радость жизни, домой все возвращались гурьбой. Надо было встречать коров из стада, кормить живность... Ежедневные обязанности хоть как-то отвлекали Горпыну от тоски и переживаний, страха за жизнь сыночка Мыколы. Понятно, писем было ждать еще рано, и женщины только проливали слезы и успокаивали друг друга.

Эшелоны, загруженные мобилизованными, уже неизвестно куда отправлять, кругом были фашисты.

Часть, в которой находился Мыкола, попала в окружение уже на третьей неделе. Они находились под Киевом. Окруженные солдаты отчаянно сопротивлялись. Надо сказать, что обученных бойцов и кадровых военных было всего процентов двадцать, остальные были новичками, которых едва успели научить стрелять из винтовки. В одном отделении с Мыколой оказался Данило, предпоследний сын соседки Ганны. Молодые необученные бойцы... В такое сложное время... Киев уже был занят фашистами, Командир пытался совершить прорыв кольца и вывести бойцов... Каждый день совершали вылазки для поисков коридора вывода части из окружения.

Мыкола также участвовал в ночных вылазках разведки. Ситуация складывалась в его понимании так, что в этой войне он в жизненной «куча – мала» барахтается на самом дне.

А вот фашисты правят бал. И Мыкола начал подумывать о побеге из части. Фашисты в рупор кричали, что приветствуют всех, кто будет верно служить великой Германии. Перешедших на немецкие позиции никто не собирается расстреливать. Нужно только поднять на штык винтовки свою каску и идти спокойно.

Если бы не его отец, на прощание выдавший маленькому сыну свое видение жизни, что надо идти по головам, чтобы оказаться на самом верху пирамиды, скольких жизненных трагедий мог избежать Мыкола. Он выбрал момент, когда их направили на задание, в группе кроме него были двое его односельчан и командир их группы, опытный и прошедший финскую войну. Группа должна была выяснить, насколько интенсивно движение по поселковой дороге, чтобы использовать это место как коридор для выхода из окружения.

Наступил вечер, затем стемнело. Но группа все продолжала вести наблюдение, они перебежали дорогу и решили укрыться в густом кустарнике. Нужно было удостовериться, будет ли ночью движение по этой проселочной дороге. Внезапно в небе загорелась осветительная ракета. Очевидно, их заметили немцы, потому что открылась беспорядочная стрельба. Мыкола решил, что лучшего момента он вряд ли дождется. Немцы в темноте не были уверены, что русских мало, и они послали в сторону группы снаряд. Раздался взрыв.

Мыкола, очевидно, был оглушен, потому что видеть-то он видел все, но как в глухом кино, все без звука... Слава Богу, понимание ситуации не исчезло. Сейчас он должен будет исчезнуть навсегда из этой группы, из своей войсковой части... Командира уже не было в живых, осколок впился ему в грудь. Еще одного бойца ранило осколком, и он корчился на земле, пытаясь рукой зажать рану на груди. Так, по крайней мере, казалось Мыколе в темноте. Боеспособными остались сам Мыкола и его сосед Данило Нечипоренко. Данило пытался сказать тихо, но вместо шепота Мыкола слышал хриплые слова:

– Берем Тараса и поползли в часть.

Мыкола промычал что-то нечленораздельное и показал, что не слышит. Тогда Данило попытался взвалить себе на спину раненого товарища. Он надеялся на помощь Мыколы. Однако, получил совсем другое. Мыкола вскинул автомат и очередью прошил обоих парней, своих односельчан. А Данило – то вообще считал, что Мыкола – его друг, они были ровесниками и в школе даже за одной партой сидели все десять лет. Данило глухо вскрикнул и повалился на уже мертвого товарища, которого он хотел доставить в часть. Опасаться было больше некого, и Мыкола сделал все, что ему было предложено фашистами: снял свою пилотку, нацепил ее на штык автомата, автомат поднял повыше, чтобы без риска сдаться на милость завоевателей.

Так началось падение молодого парня Мыколы Мельничука, родившегося и выросшего на западной Украине. Однако, не все украинские ребята выбрали путь падения. Сколько погибло невинных людей не только на полях войны, но были просто уничтожены по прихоти фашистов.

За время войны погиб каждый шестой житель Украины. Более чем двести пятьдесят украинских сел были сожжены оккупантами дотла. Согласно с концепцией фюрера, не может быть и речи в ближайшие десятилетия о независимой Украине. Фюрер думал о немецком протекторате на вечные времена.

А Мыкола тем временем двигался в том направлении, откуда прилетел снаряд. Сам Мыкола вымахал ростом под два метра, да еще на поднятой вверх руке держал автомат, поэтому фашисты на фоне светлеющего неба заметили плывущую как в пустоте темную тряпку. Часовой тут же вскинул автомат, чтобы прошить очередью неизвестное существо, но другой часовой вовремя перехватил его руку.

– Ты что? С ума сошел? Это же русский идет в плен сдаваться! Меня предупреждали, что вдоль русских позиций сегодня через рупор обращались к солдатам. Вот он – первый герой!

И тут же громко крикнул идущему русскому:

– Стой! Руки вверх!

Но сам не вышел навстречу, подждал идущего человека в укрытии. Через несколько минут показались две высоко поднятые руки, затем и сам долговязый парень в форме советского солдата.

– Автомат на землю!

Мыкола бросил автомат и молча смотрел на фашистов.

– Русс?

Мыкола кивнул. Фашист подошел к нему и показал, чтобы русский протянул ему руки. Мыкола безропотно подчинился. Руки связали веревкой и повели его в комендатуру. К обеду вывели из коммунки, в которой он просидел остаток ночи.

Комендант долго и с пристрастием допрашивал советского солдата. Он хотел понять, что заставило его покинуть часть и прийти к своим врагам. Фашист имел право сомневаться: этот парень открыл список перебежчиков. Комендант пытался поймать русского на том, что где-то будет неточность в рассказе и парня расстреляют, как шпиона. Однако, Мыкола рассказал все, что видел и знал.

На один лишь вопрос Мыкола не мог ответить фашисту: чем ему не нравится Советская власть. Но коменданта очень интересовал ответ. Мыкола пожимал плечами и разводил руками.

– Тогда зачем пришел к нам?

Ответ Мыколы комендант никак не мог осмыслить. Потому что он понял его слова так:

– Наверх, наверх, по головам!

Фашист подумал, что перевод с русского не совсем правильно ему перевел личный переводчик.

Спросил русского:

– Чем хочешь заниматься?

Мыкола сжал внушительного размера кулаки и ответил:

– Командовать!

– Хорошо, командовать будешь! – И назначил Мыколу руководить отрядом карателей. Карать, в основном, мирных жителей. Невооруженных, беззащитных, женщин, детей и стариков. Потому что остальная категория населения Украины вооружены и могут самого руководителя уничтожить...

В отряде карателей не было немцев. Это были отщепенцы, бывшие воры и преступники. И те, кто тайно и люто ненавидел советскую власть, но вынужден был подчиняться. А сейчас все они всплыли, как дерьмо, на поверхность. Мыкола сам формировал свой отряд. Вскоре в отряде было уже около двадцати пяти человек. Каратели выполняли самую отвратительную черновую работу. Расстреливали мирное население, забирали у людей продукты, выгоняли людей на работы. Они напоминали шакалов, которые привыкли собирать все, что удавалось отнимать у более слабых...

Постепенно Мыкола вошел во вкус... Прошел всего лишь месяц, а Мыкола уже ничем не напоминал того несмелого юношу, который безмолвно ходил тенью за дочкой директора школы – Эллочкой. Теперь в Белой Церкви главного карателя знали все и боялись, как огня. Он мог казнить или миловать любого жителя городка. Но самое излюбленное занятие Мыколы было такое, которое отличало его даже от фашистов. Он искал молоденьких девушек, насиловал их и затем лично расстреливал.

Сопровождавшихся девушек он моментально успокаивал ударом рукоятки пистолета по голове. Не гнушался Мыкола и побочных благ: ему понравилось снимать с расстреливаемых девушек украшения. Это стало его хобби.

Только сейчас он осознал значение слов отца, когда тот, уходя из семьи навсегда, бросил шестилетнему сыну мимоходом слова о том, что жизнь – это куча-мала, и что в этой куче надо шагать по головам, чтобы оказаться наверху. Вот в его голове слово «наверху» как раз соот-

ветствовало его нынешнему положению, когда он мог убить, а мог – миловать... Это чувство вседозволенности делало его полным извращенцем.

Как-то ему в голову пришла мысль наведаться в военный городок, там можно неплохо развлечься. А заодно хоть как-то приблизиться к офицерам местной комендатуры. Он решил устроить праздник... Если не считать откушенного уха и прокушенной щеки, то праздник удался. Мыкола с удовольствием вспоминал мать двух прелестных девчушек... Она как тигрица бросалась на него и пыталась выцарапать ему глаза... Им овладело дикое желание подчинить ее себе. Она, правда, перестала сопротивляться только когда отключилась после удара рукояткой пистолета по голове. А хороша была... А девчонки – девственницы... Да, он и не думал менять свои привычки. Серьги из девичьих ушей и у их мамы вырвал, разорвав мочки. Он как-то не задумывался, для чего он снимал с убитых украшения... Но... он наверху... вот в этом и был смысл его жизни.

Наступила осень 1941 года. Ожесточенные бои за Москву... Там счет погибших шел на сотни тысяч, а в оккупированной Украине, как сыр в масле, катался Мыкола. Его важность и степенность укреплялась с каждым днем. В Белой Церкви комендант назначил нового старосту. Теперь свои карательные операции Мыкола должен был согласовывать со старостой. Комендант приказал Мыколе встретиться со старостой сегодня же. Каково же было удивление молодого фашистского карателя, когда в городском старосте он узнал... своего отца!

Но если Мыкола узнал отца сразу, то отец в последний раз видел сына в шестилетнем возрасте. Мыкола остановился как вкопанный. Он молча смотрел на отца, в душе его боролось много чувств: от генетической любви к отцу до огромной ненависти... Он непроизвольно сжимал и разжимал кулаки... Желваки на его щеках так и ходили... Он прежде побледнел от такой неожиданной встречи с отцом, а потом на щеках его выступил густой румянец.

Городской староста с удивлением смотрел на странную реакцию карателя, реакция его была неожиданной. Но староста присмотрелся к стоящему напротив парню и теперь сам замер... До чего же они были похожи. Оба двухметровые, красивые, и – упавшие на самое дно нравственности.

Отец вытянул руку по направлению к сыну и спросил с волнением:

– Мыколо, ты?

– Я!

– О це ты вымахал, какой хлопец вырос! Прямо моя молодая копия! Так это ты командуешь отрядом карателей?! Коллеги в каком-то смысле!

И отец довольно заржал...

– Ну что, сынку, обниматься не будем, а работать будем вместе... Давай, садись за стол, я уже кое-что тут набросал, план жесткий. Смотри... – И они углубились в работу, дающую страдания и смерть людям, на землю которых пришли фашисты, незваные и ненавистные. Вот и началось сотрудничество двух подонков, предателей, которые себя таковыми не считали. В их понимании – они были на самом верху жизни, куда пробирались по головам и телам убитых ими людей.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.